

по очень низким ценам, национальные имения, т. е. земли церкви и эмигрировавшего дворянства, конфискованные государством. Теперь же, возразят мне, им больше нечего дать. О, найдется! Разве церковь, религиозные ордена обоего пола благодаря преступному сообщничеству легитимистской монархии и особенно второй империи не сделались снова очень богатыми?

Правда, наибольшая часть их богатств была весьма предусмотрительно мобилизована в предвидении возможных революций. Церковь, которая наряду со своими небесными заботами не пренебрегала никогда своими материальными интересами и всегда отличалась остроумностью своих экономических спекуляций, поместила, конечно, большую часть своих земных благ, которые она непрерывно приумножала изо дня в день для вящего блага бедных и несчастных, во всякого рода торговые, промышленные и банковские предприятия, как частные, так и общественные, и в ренту всех стран. Так что нужно по меньшей мере всемирное банкротство, которое явится неизбежным следствием всемирной социальной революции, чтобы лишить ее этих богатств, составляющих ныне главное орудие ее могущества – увы! – еще слишком чудовищного, но остается не менее верным и то, что она обладает в настоящее время, особенно на юге Франции, огромным имуществом, в земле и постройках, равно как в церковных украшениях и утвари, – настоящих сокровищах из золота и серебра, украшенных драгоценными камнями. Ну, так вот все это может и должно быть конфисковано – не в пользу государства, но коммунами.

* * *

Имеются затем имения тысяч собственников-бонапартистов, которые в течение двадцати лет императорского режима отличились своим рвением и которые были всячески покровительствуемы империей. Конфисковать эти имения было не только правом, но было и остается долгом, ибо бонапартистская партия – совсем не обыкновенная историческая партия, вышедшая органически правильным путем из постепенного религиозного, политического и экономического развития страны, покоящаяся на каком-либо правильном или ложном национальном принципе. Это – просто банда разбойников, убийц, воров, которая, опираясь, с одной стороны, *на реакционную подлость трепещущей перед красным призраком буржуазии, которая сама еще красна от крови рабочих Парижа, пролитой ее руками*, с другой стороны, на благословения священников и на преступное честолобие высшего офицерства, ночью овладела Францией: «Дюжина светских Robert-Macaire'ов из высшего света, объединенных пороком и общей нуждой, разоренных, потерявших репутацию и обремененных долгами, ввиду восстановления своего положения и состояния не отступили перед одним из самых отвратительных покушений, известных в истории». Вот в немногих словах вся правда о декабрьском перевороте. Разбойники восторжествовали. Они безраздельно царствуют в течение восемнадцати лет над прекраснейшей страной Европы, которую Европа считает вполне основательно центром цивилизованного мира. *Они создали официальную Францию по своему образцу и подобию*. Они сохранили почти нетронутой видимость учреждений и вещей, но перевернули основу их, низведя их до своего собственного умственного и нравственного уровня. Все прежние слова остались. По-прежнему говорят о свободе, справедливости, достоинстве, праве цивилизации и человечности, но смысл этих слов совершенно изменился в их устах, каждое слово означает в действительности совершенно противоположное тому, что оно должно бы выражать; это похоже на разбойничью шайку, которая по какой-то кровавой иронии употребляет самые благородные выражения при обсуждении самых отвратительных измерений и поступков. Не таковы ли еще и ныне отличительные черты императорской Франции?

«Есть ли что-нибудь более отвратительное, более подлое, чем, например, императорский Сенат, составленный, по выражению Конституции, *из всех знаменитостей страны*? Не является ли он, заведомо для всех, богадельней для всех соучастников преступления, для всех гнусных декабристов? Есть ли что-либо более бесчестное, чем правосудие империи, чем все эти трибуналы и чиновники, не знающие другого долга, как поддерживать при всякой оказии и во что бы то ни стало бесчестность продажных тварей империи»¹.

Вот что в марте месяце, в то время, как империя еще процветала, писал один из моих самых близких друзей². То, что говорил он о сенаторах и о судьях, было одинаково приложимо ко всему

¹ Бернские Медведи и Медведь С. – Петербургский, патриотическая жалоба отчаявшегося и униженного швейцарца. Невшатель 1870.

² Сам Бакунин. – Дж. Г.